

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

**ДОКУМЕНТ
В ПАРАДИГМЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ПОДХОДА**

*Материалы Второй Всероссийской
научно-практической конференции
(г. Томск, 27–28 октября 2005 г.)*

Томск
2006

Д.В. Хаминев

**ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО (ИСТОРИЧЕСКОГО)
ФАКУЛЬТЕТА ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Документация партийных организаций как вузов в целом, так и отдельных факультетов, содержит обширнейшую источниковую базу для изучения истории становления и развития науки и высшего образования в советский период. В партийной документации нашли отражение события, которые не были зафиксированы в других видах исторических источников как, например, в периодической печати. Это касается преподавательской и научной деятельности не только тех преподавателей и научных работников, которые состояли в КПСС, но и беспартийных. Протоколы заседаний партийных бюро факультетов и вузовских парткомов содержат информацию о тех проблемах, с которыми сталкивались вузовские коллективы, о поиске путей их решения. В силу своего положения в обществе партийные организации занимались также работой со студентами, организацией обучения быта, досуга и т.п. Нередко партийные организации активно вмешивались и в личную жизнь студентов, преподавателей, научных сотрудников и учебно-вспомогательного персонала, занимаясь разборкой так называемых персональных дел. В центре внимания партийных организаций была и общественная активность членов вузовского коллектива. Следует иметь в виду, что этим не ограничивается источниковый потенциал партийных документов.

Попытаемся продемонстрировать информационные возможности партийных документов на примере первичной партийной организации исторического (историко-филологического) факультета Томского государственного университета. Она была создана одновременно с восстановлением факультета в 1940 г. Вначале в первичной ячейке коммунистов было немного. На 10 мая 1941 г. на учете в ней стояло всего 6 человек, причем трое были студентами. В числе первых студентов исторического факультета было несколько уже взрослых и состоявшихся в своей профессиональной деятельности людей – директора школ, некоторых томских и областных организаций и работников партийного и комсомольского аппарата. Все они нуждались в получении высшего образования, и с открыти-

ем исторического факультета они поступили на него для обучения [2. Л. 1]. С началом Великой Отечественной войны, когда в Томск были эвакуированы студенты, преподаватели и научные сотрудники из вузов, расположенных в Европейской части страны, факультет, а он к тому времени стал историко-филологическим, и его партийная организация пополнились новыми членами. Когда исторический факультет вновь стал самостоятельным (1974 г.), численность партийной организации выросла с 5 в 1941 г., до 56 членов и 4 кандидатов в члены КПСС в 1974 г. [4. Л. 1], причем в 1974 г., историко-филологический факультет разделился на два – исторический и филологический (на котором тоже была довольно многочисленная партийная организация).

В делопроизводстве партийной организации историко-филологического факультета был довольно большой документооборот, состоявший в основной своей массе из протоколов заседаний партгруппы факультета, а затем партбюро, партячеек кафедр, партийных собраний и т.д. В партийной документации содержатся сведения по личному составу, включая характеристики на членов и кандидатов в члены ВКП(б)–КПСС, об учебно-воспитательном процессе, научной деятельности и общественной работе.

В данном сообщении попытаемся остановиться на одном сюжете, характеризующем информационные возможности партийных документов.

После XX съезда партии, прошедшего в феврале 1956 г., и секретного доклада на нем первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева о развенчании культа личности Сталина по всей стране прокатилась волна собраний и диспутов, на которых обсуждались основные пути дальнейшего развития жизни в партии, комсомоле, советском обществе в целом. Особую актуальность эти диспуты имели в вузах страны, где училась будущая советская интеллигенция, и работали преподаватели, как в то время говорили, бойцы идеологического фронта. Не остался в стороне от диспутов и Томский университет. В конце 1956 г. в университете прошел диспут по вопросу о демократизации комсомольской жизни. Он состоялся в зале областного лектория (ныне органной зал областной филармонии) [6].

В диспуте активное участие приняли студенты разных факультетов, некоторые преподаватели, в основном молодые. Студент геолого-географического факультета Г. Швейник, заместитель председателя спортивного клуба в своем выступлении говорил о формализме, заорганизованности в комсомоле. Среди выступавших был и выпускник историко-филологического факультета Н.С. Черкасов, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ Томского университета, кандидат в члены КПСС, ассистент ка-

федры диалектического и исторического материализма [1. Л. 7]. Этот молодой человек сделал неплохую по тем временам карьеру в комсомольской организации, был довольно перспективным в своей научной и преподавательской деятельности. Но все в его жизни изменило одно обстоятельство.

Он поддержал высказывание Швейника на диспуте о необходимости большего развития самостоятельности комсомола, о том, чтобы студенты помогали строительству в городе, указывал на то, что многие студенты лишь формально числятся в ВЛКСМ, о необходимости пересмотра приема в комсомол в школе и т.д. [3. Л. 5]. Все эти вещи были совершенно правильными и своевременными. Черкасов, поддержавший замечания Швейника, уже после, на партийном комитете по поводу диспута, на котором рассматривалось его персональное дело, говорил, что он согласился не со всеми тезисами докладчика, а лишь с теми, которые являлись, по его мнению, идеологически верными. Но один из членов парткома заявил, что «даже в речах Черчилля и Даллеса есть положительные высказывания по отношению к СССР» [3. Л. 7].

Член парткома, зав. кафедрой русской литературы, доцент Н.Ф. Бабушкин назвал этот диспут «антисоветчиной, махровым сборищем всего антисоветского, где партия была оклеветана, а Хрущев был поставлен в один ряд с Эйзенхауэром» [3. Л. 10]. 9 января 1957 г. было принято решение Томского обкома КПСС «О политико-воспитательной работе среди студентов ТГУ». В отношении некоторых участников диспута были приняты не только партийные, но и административные меры. Н.С. Черкасов был исключен из кандидатов в члены КПСС и уволен с работы [1. Л. 7]. После этого он вынужден был несколько лет проработать на ТЭМЗе. Будущий академик РАН А.Э. Конторович, в то время ассистент кафедры экспериментальной физики, также был исключен из кандидатов в члены КПСС и уволен «в связи с непригодностью к педагогической работе в вузе», как говорилось в приказе ректора.

Что касается историко-филологического факультета, то события, развернувшиеся вокруг диспута, не оставили его в стороне. В комнатах общежития, где проживали студенты факультета, обсуждались выступления на диспуте. Тема, затронутая на диспуте, нашла продолжение и на факультетском комсомольском собрании. Многие сочувствовали Н.С. Черкасову и даже собрали деньги на подарок, когда его уволили с работы. 17 января 1957 г. состоялось закрытое партийное собрание парт-организации ИФФ, на котором присутствовало 49 членов и кандидатов в члены КПСС. Доклад о решении обкома КПСС сделала секретарь парт-

кома ТГУ Л.С. Фирюлина. В ЦДНИ ТО сохранилась лишь протокольная запись выступлений коммунистов. Все выступавшие поддержали решение обкома партии. В постановлении собрания было записано, что «партийное бюро факультета допустило серьезную ошибку, разрешив проведение диспута, не осуществив должного контроля за его подготовкой и проведением». Было подчеркнuto, что секретарь партбюро М.Е. Плотникова «допустила политическую близорукость, санкционировав демагогические выступления студента Ткаченко на комсомольском собрании».

Далее в постановлении партсобрания указывалось на то, что «серьезные ошибки в своем поведении во время диспутов и после них проявили ряд коммунистов нашей парторганизации (Налобина, Киселев, Могильницкий, Моисеенко и другие), а Черкасов оказал откровенную поддержку вредным демагогическим выступлениям...»

Ценность подобного рода информации, содержащейся в партийной документации, состоит в том, что она дает возможность представить более полно картину жизни факультета в условиях так называемой «хрущевской оттепели», показать ее ограниченность, когда коверкались судьбы людей, пытавшихся выйти за рамки дозволенного официальной коммунистической идеологией.

Таким образом, на примере протокольных записей заседаний партийной организации историко-филологического факультета Томского университета можно проследить историю факультета. И не только историю, но и судьбы студентов и преподавателей факультета.

Примечания

1. ГАТО ТО. Ф. Р-815. Оп. 29. Д. 735.
2. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 20.
3. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 9. Д. 72.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 404.
5. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 568. Л. 4.
6. 1956: год не состоявшийся надежд: круглый стол в редакции «За советскую науку» // За советскую науку. 1989. 12 мая.